

Оригинальная статья

УДК 101.8

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-15-31>

Ф. Энгельс и К. Маркс о происхождении частной собственности и государства: одна концепция или две?

Андрей Александрович Коряковцев

*Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия,
akoryakovtsev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1745-0361>*

Введение. В марксоведении давно поставлена проблема неполного совпадения взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса. На эту тему высказывались Д. Маклеллан, М. Рубель, К. Н. Любутин и П. Н. Кондрашов. Однако они ограничились политической экономией и онтологией. Мы обсудим взгляды классиков на происхождение частной собственности и государства.

Методология и источники. В данной статье предпринят текстологический анализ работ Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и работ К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», являющейся частью «Экономических рукописей 1857–1861 гг.», и «Экономическо-философские рукописи 1844 г.». Применяется историко-компаративистский подход, позволяющий сопоставлять идеи классиков с идеями представителей более поздних марксистских школ.

Результаты и обсуждение. Ф. Энгельс объясняет появление государства классовыми противоречиями. Однако, он не отличает понятие «класс» от понятия «сословие» и игнорирует тот факт, что в докапиталистическую эпоху индивиды противостояли друг другу как представители общностей, обеспечивших определенный уровень жизни. В параграфе, озаглавленном «Формы, предшествующие капиталистическому производству» в «Экономических рукописях 1857–1861 гг.», К. Маркс описывает, как государство возникало в качестве организатора принудительных общинных работ. Эта принудительность была определена не социально-политическими, а природными факторами. Труд создавал не только общественный продукт, но и само отношение господства. Мы показываем смысловую связь этой концепции с той, которая была воплощена К. Марксом в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 г.».

Заключение. В классическом марксизме отсутствует единая концепция происхождения государства и частной собственности; концепции К. Маркса и Ф. Энгельса отличаются друг от друга трактовкой роли труда в данном процессе. Ф. Энгельс приписывает труду страдательную роль. У К. Маркса роль труда активная: труд сам создает свою противоположность, частную собственность и государство. Последнее в учении К. Маркса фигурирует не как функция классового господства, а как сила, способная на самостоятельное развитие.

Ключевые слова: социальная философия, история философии, государство, частная собственность, классический марксизм, класс, сословие

Для цитирования: Коряковцев А. А. Ф. Энгельс и К. Маркс о происхождении частной собственности и государства: одна концепция или две? // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 15–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-15-31.

© Коряковцев А. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

F. Engels and K. Marx on the Origin of Private Property and the State: One Concept or Two?

Andrey A. Koryakovtsev

*Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia,
akoryakovtsev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1745-0361>*

Introduction. The problem of incomplete coincidence of views of K. Marx and F. Engels has long been raised in marxology. On this topic, D. McLellan, M. Ryubel, K.N. Lubutin and P.N. Kondrashov spoke. However, they were limited to political economy and ontology. We will discuss the views of classics on the origin of private property and the state.

Methodology and sources. In this article the textual analysis of the works "Origin of family, private property and state" by F. Engels and "Forms preceding capitalist production" and "Manuscripts of 1844" by K. Marx is taken. The author adopts a historical-comparative approach, combining the ideas of the classics with those of later Marxist schools.

Results and discussion. F. Engels explains the appearance of the state by class contradictions. However, it does not distinguish the concept of "class" from the concept of "estate" and ignores the fact that in the pre-capitalist era an individual opposed another individual as a representative of a community that provided a certain standard of living. In a paragraph entitled "Forms Preceding Capitalist Production" in the "Economic Manuscripts of 1857–1861", K. Marx describes how the state emerged as an organizer of forced community works. This coercion was determined not by socio-political factors but by natural factors. Labor created not only a social product, but also the very relationship of domination. We show the semantic connection of this concept with that which was embodied K. Marx in "Economical-philosophical manuscripts of 1844".

Conclusion. In classical Marxism there is no unified concept of the origin of the state and private property; the concepts of K. Marx and F. Engels differ from each other in the interpretation of the role of labor in this process. F. Engels attributes a passive role to labor. For K. Marx, the role of labor is active: labor itself creates its opposite, private property, and with it the state, which arises and exists due to the limitations of labor.

Keywords: social philosophy, history of philosophy, state, private property, classical Marxism, class, estate

For citation: Koryakovtsev A.A. (2024), "F. Engels and K. Marx on the Origin of Private Property and the State: One Concept or Two?", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 15–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-15-31 (Russia).

*Памяти Константина Николаевича Любутина
и Петра Николаевича Кондрашова*

Введение. В марксоведении давно озвучен тезис о необходимости проводить различие между взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса (даже не опровергая их коренное теоретическое и методологическое единство). Эта точка зрения представлена в западной марксоведческой науке (укажем на исследования McLellan D. [1] и Рюбеля М. [2]). В России ее сторонниками являются К. Н. Любутин и П. Н. Кондрашов. По их мнению, «необходимо различать, с одной стороны, *социально-антропологическую* философию К. Маркса, с другой – *сциентистскую* философию Ф. Энгельса» [3, с. 6]. Ибо, как продолжают они далее: «непонимание Маркса такими крупными учеными, как Э. Дюркгейм, М. Вебер или К. Р. Поппер, было

фундировано именно в том, что они считали *марксизмом Маркса* вульгаризированную форму странного коктейля из “Маркса–Энгельса”» [3, с. 7].

Жаль, что далее они не раскрывают, в чем состояла «сциентистская философия» Ф. Энгельса, отличная как от философии К. Маркса, так и от «вульгаризированного» марксизма. Более того: один из них позже дезавуировал противопоставление К. Маркса и Ф. Энгельса в области онтологической тематики [4, с. 215–241].

Но остается еще социальная теория. Имеется ли какое-либо различие между идеями К. Маркса и Ф. Энгельса в ней и, если да, то насколько оно является решающим? Ответом на этот вопрос будет результат поиска и сравнительного анализа текстов, написанных классиками. О таком поиске в связи с «Капиталом» упоминает Д. Маклеллан в интервью: «Так что, как вы говорите, Энгельсу пришлось собрать воедино второй и третий тома «Капитала», и сейчас ведется большая работа, особенно в Германии, над изданиями «Капитала», и Энгельсу отводится довольно зловещая роль, поскольку он наполовину переписывает Марксовы тезисы» [1].

Но это касается «Капитала». Данная же статья посвящена аспекту, ранее в марксоведении не освещенному: различию идей классиков относительно генезиса частной собственности и государства.

Методология и источники. Мы предприняли текстологический анализ брошюры Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и рукописного наследия К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и «Рукописи 1844 г.». Кроме того, мы применили историко-компаративистский подход, сопрягая идеи классиков с идеями представителей более поздних марксистских школ: В. И. Ленина и В. П. Илюшечкина.

Результаты и обсуждение. Начнем с того, что реконструируем цепочку рассуждений Ф. Энгельса по поводу генезиса частной собственности и государства.

Он отталкивается от «естественного» разделения труда, отражавшего физиологию человеческих существ. «Внутри родового строя ... разделение труда – чисто естественного происхождения, оно существует только между полами. <...> Каждый из них – хозяин в своей области: мужчина в лесу, женщина – в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребленных им орудий: мужчина – оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина – домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах несколькими, часто многими семьями. То, что изготавливается и используется сообща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка» [5, с. 159].

Это рассуждение является воплощением методологической установки, которую оба марксистских классика ранее, еще в 1845 г., выразили следующим образом: «первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею их отношение к остальной природе» [6, с. 19]. Важно подчеркнуть, что «первый» в данном случае означает не ценность, а «исторически первый», т. е., речь идет о том, что в древности не социальные, а *природные* условия определяли общественное развитие. Продолжение этой мысли мы находим в «Экономических рукописях 1857–1861 гг.» К. Маркса: в древности «действительное присвоение

посредством труда происходит при таких *предпосылках*, которые сами не являются *продуктом* труда, а представляются его природными ...предпосылками» [7, с. 468].

Итак, согласно классикам марксизма, трудовые процессы протекают в рамках, заданных не только внешней природой, но и антропологическими факторами, внутренней природой человека, его телесностью, физиологией, полом, возрастом. Общественные отношения в древности определяли не сами по себе орудия труда (эту идею несправедливо приписывает Ф. Энгельсу С. де Бовуар, обвиняя его в «экономическом монизме» [8, с. 49]). Их определяло *разделение труда*, которое, конечно, зависело от них, но к ним не сводилось. Отличие между орудиями труда и разделением труда состоит в том, что орудие труда есть вещь или человек, низведенный до положения вещи, пассивного, подчиненного инструмента, (раба [5, с. 58–59]), «рабочей машины» [7, с. 458]; тогда как разделение труда есть *общественное отношение*, заключающееся (в данном случае) в *принудительном* обмене деятельностью, обмене, исключающем наслаждение им и самой деятельностью. Или, если выразиться словами К. Маркса, «разделение труда» (специализация) и основанный на нем обмен¹, представляют собой «экономическое выражение *общественного характера труда* в рамках отчуждения» [9, с. 140].

Другой фактор, по Ф. Энгельсу, определяющий общественные отношения наряду с разделением труда – это *накопленные излишки или общественное богатство*. «По мере того, как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение..., и, с другой стороны, порождали стремление использовать это упрочившееся положение...» [5, с. 59].

Таким образом, согласно классикам марксизма, не просто неорганическая природа сама по себе (вещь, взятая как орудие труда), а «увеличение производства» вкупе с *развитием средств производства*, т. е. вкупе с *развитием* неорганической природы, используемой в своих целях людьми в процессе труда, являются факторами, определяющими формы разделения труда (специализацию индивидов в процессе отчужденного труда). Отметим, между прочим, что эта мысль – не просто материализм, толкующий о зависимости духа от вещей и природы, а именно *практический материализм* [6, с. 42], развивающий идею «созерцательного философа» Л. Фейербаха об универсальности человеческой практики [10, с. 141; 11, с. 682; см.: 12, с. 347].

В свою очередь, формы разделения труда влияют на степень развитости обмена и, следовательно, на общественную форму продукта: создается ли он ради непосредственного потребления (натуральный продукт) или на продажу (товар). Господствующая общественная форма продукта определяет доминирующий тип социальной связи («форму общения»). Товарное производство подразумевает экономическую связь, ориентация производства на натуральный продукт – ее слабость, и либо преобладание внеэкономических связей, либо изоляция общин. Взаимодействие общин или их обособленное существование влияет на их культуру – вплоть до культуры семейных отношений. Содержание всех остальных социальных форм (в том

¹ «Обмен и разделение труда взаимно обусловлены. Так как каждый работает сам по себе, а его продукт есть ничто сам по себе, то он, конечно, должен обменивать, не только для того, чтобы принять участие во всеобщей производственной способности, но и для того, чтобы превратить свой собственный продукт в жизненное средство для самого себя» [7, с. 103].

числе и отношение господства-подчинения, включая бытовое, семейное) зависит, в конечном счете, от уровня развития производительных сил и форм разделения труда.

«Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением сферы производительной деятельности при тогдашних исторических условиях, взятых в совокупности, с необходимостью влекло за собой рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса – господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых» [5, с. 161]. «...Государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового общества» [5, с. 169]. Так произошло в древних Афинах. «У германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств» [5, с. 169]. Но, так или иначе, государство «никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу» [5, с. 169]. Оно «возникло из потребности держать в узде противоположность классов» [5, с. 171]. «Государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно» [5, с. 170].

Сказано предельно ясно и однозначно: первоначально, на базе первого общественного разделения труда (между духовным и материальным трудом), зарождаются частная собственность и классы, классовые противоречия и классовая борьба, затем в ответ на это возникает государство. Так в своем труде 1884 г. Ф. Энгельс воспроизводит, только в расширенном виде, собственные рассуждения, сформулированные в «Анти-Дюринге» (1878): «Робинзон поработает Пятницу только для того, чтобы Пятница работал в пользу Робинзона. А каким путем Робинзон может извлечь для себя пользу из труда Пятницы? Только тем путем, что Пятница производит своим трудом большее количество жизненных средств, чем то, какое Робинзон вынужден давать ему для того, чтобы Пятница сохранял свою трудоспособность» [13, с. 163]. «Насилие, – добавляет Энгельс, – есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода» [13, с. 164].

Может показаться, что, изобразив общество раздираемым экономическими противоречиями, – как могущественного и коварного Робинзона и трудолюбивого и покорного Пятницу – Ф. Энгельс, по сути, воспроизводит ход рассуждений Т. Гоббса в «Левиафане». Английский мыслитель также исходит из факта общественного распада. Дабы избежать взаимного уничтожения граждане делегируют (по Т. Гоббсу, «отчуждают» [*alienate*]) свои права в пользу некой новой инстанции в обмен на защиту: «мотивом и целью при отречении от права, или отчуждении его, является гарантия безопасности человеческой личности» [14, с. 101]). Эта инстанция и образует государство – «Левиафан», чудовище библейского мифа, грозное, но необходимое для общественного выживания. Рассуждения Т. Гоббса и Ф. Энгельса действительно похожи, но отнюдь не тождественны. То, что первый считает «естественным» состоянием человечества (пресловутое «*bellum omnium contra omnes*»), второй изображает как состояние временное, исторически конечное и преодолимое по тем же причинам, которые его породили, из-за роста производительности труда и общественного бо-

гатства. Однако даже такое неполное сходство с теорией Т. Гоббса должно насторожить и указать на неполноту картины, нарисованной Ф. Энгельсом.

Эта неполнота выражается в размытости используемого Ф. Энгельсом понятия «класс». Классами Ф. Энгельс называет рабов и господ (рабовладельцев), дворян, крепостных и свободных крестьян, наемных рабочих и представителей капитала [5, с. 171–172]. Кроме того, в ту же категорию он включает полноправных граждан античных полисов [5, с. 119] и купцов как «посреднический класс» [5, с. 156]. Он оперирует категориями «имущий класс» и «угнетенный класс» [5, с. 173], предполагая широкие общности, лишённые внутренних различий. Категории военнообязанного населения, введенные рексом Сервием Туллем, он тоже называет «классами» [5, с. 128].

Кстати вспомним, что в «Манифесте коммунистической партии» читатель встречается с таким же расплывчатым понятием *класс*: «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» [15, с. 424]. Стоит напомнить читателю, что Третий том «Капитала» его автор завершает вопросом: «что образует класс?» [16, с. 458] – и здесь имеется в виду, очевидно, не какой-то конкретный класс, а класс как особая социально-экономическая категория. Ответа мы не находим: рукопись обрывается. Хотя уже тот факт, что данный вопрос задан в главе, находящейся в отделе «Доходы и их источники», намекает, в каком направлении необходимо вести поиск правильного ответа.

Несомненно, мысль В. И. Ленина в определении экономических классов двигалась путем, начертанным К. Марксом, ибо в его известном определении речь идет именно о «доходах и источниках» как о классообразующих факторах [17, с. 15].

Но Ф. Энгельс в анализируемой работе использует понятие класс, отличное от ленинской трактовки, смешивая правовые и экономические характеристики. Столь смутно по этому поводу выражается и Ч. Диккенс в одном из своих романов, но его странно называть марксистом. Если бы В. И. Ленин сформулировал свою концепцию класса не в 1919 г., а на два года раньше, так ли прямолинейно он следовал за Ф. Энгельсом в своей работе «Государство и революция» 1917 г.?

О недопустимости смешения правовых и экономических признаков социальных групп писал советский историк В. П. Илюшечкин: «...неосознанная подмена одних понятий другими, экономических правовыми, равно как и смешение их, является неправомерной и только запутывает суть дела. Она некорректна, потому что экономический и правовой подходы к типизации и классификации общественных отношений основаны на совершенно различных принципах, вследствие чего одноименные экономические и правовые категории не совпадают по своему содержанию» [18, с. 82]. «Например, понятия “класс рабов”, “класс рабовладельцев” и “класс феодалов” в действительности обозначают лишь соответствующие сословия или сословные группы, а понятие “класс феодально-зависимых крестьян” – вовсе не класс и не сословие, а гораздо более широкий круг непосредственных производителей» [18, с. 148–149].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, хотя в классическом марксизме имеются четкие определения конкретных классов¹, само понятие *класса как такового* в противоположность некой бесклассовой общности, еще размыто. Следовательно, теория классовых отношений в марксистской теории классического этапа еще только *становится*. Выходит, только становится и теория классовой борьбы, несмотря на ее фундаментальный характер для марксистского социального учения.

Дело усложняется тем, что необходимо различать экономическое существование класса и его *политическое* бытие. Классы и классовые антагонизмы могут существовать объективно, в процессе производства, но в то же время индивидами может не осознаваться их личная принадлежность к тому или иному классу, либо она может представляться ложным образом. Так же может быть не осознан, или осознан в ложной форме, сам классовый антагонизм. В докапиталистическую эпоху, когда реальность тотально осознавалась индивидами не в социологических, не в экономических и не в политологических понятиях, а в родовых, сословных (правовых), морально-этических категориях и религиозно-мифологических образах, иначе быть не могло [20, с. 31–36]. Если в ту эпоху имели место социальные конфликты, то борьба в них шла не за новое общество; борьба шла за *новую церковь*, за *религиозное обновление*, за власть *благородных* и т. д., а классовый антагонизм воспринимался как антагонизм высших мистических сил, на стороне одной из которых выступает восставшая сторона. Ложная форма протестной идеологии препятствовала осознанию собственных интересов угнетенными классами, что открывало дорогу политическим манипуляциям, снижающим остроту классового конфликта.

Классовому антагонизму препятствовала сама сословная структура общества, постольку поскольку правовые отношения и связанные с ними традиции и моральные установки скрывали отношения экономические, мешали им выражаться открыто. В художественной форме это отражено в исторических романах А. Дюма. Простая мысль Д'Артаньяна: «мне уже сорок лет, а я все еще лейтенант мушкетеров» вкупе с последующими его действиями ради заработка в его эпоху (вторая половина XVII в.) означала разрыв не только с друзьями-мушкетерами, но и с дворянским кодексом чести и верности монаршей особе. Одним словом, она означала разрыв с сословием, подлинную социальную революцию в пределах индивидуальной судьбы. Д'Артаньян, следуя этой мысли, превращался в когда-то им же презираемого г. Буонасье – мелочного алчного буржуа.

Поэтому участники восстаний, мятежей, переворотов докапиталистической эпохи, даже если они одерживали военно-политическую победу (подобно тайпинам в 1853 г.), не создали и не могли создать никаких новых общественных отношений. Они воспроизводили прежний социально-экономический уклад и прежнюю социальную иерархию. Все это были сословные, правовые конфликты, так сказать, *нотариальные проблемы*. Стоявший за ними

¹ «Под “пролетариатом” в экономическом смысле следует понимать исключительно наемного рабочего, который производит и увеличивает “капитал” и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей возрастания стоимости господина капитала» [19, с. 628]; «Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответственными источниками доходов которых является заработная плата, прибыль и земельная рента, следовательно, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства» [16, с. 457].

классовый антагонизм не принимал форму собственно *классовой борьбы*. Ф. Энгельс связывает реформу Солона с «политической революцией», коль скоро она «вторгалась» в отношения собственности [5, с. 115], однако она не выходила за рамки распределительных практик своей эпохи, и за ней не следовали никакие изменения в самом господствующем способе производства. По этой причине, как замечает сам классик, «уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает» [5, с. 155] – в силу того, что он не знает *классовых* восстаний, иначе говоря, *социально-политических революций*. Даже переход от античного рабовладения к колонату во II и III вв. – это трансформация правовых отношений, прежде всего, в ходе которых экономический базис сословно-классового общества оставался прежним [18, с. 131–133].

Движущие силы *социально-политических революций*, преодолев в себе сословные различия, «бесконечную раздробленность интересов и положений» [16, с. 458], представляют собой угрозу самому господствующему способу производства. *Социально-политическая революция* потому и является революцией, что *позитивна*; она решает социальные проблемы своей эпохи, а не воспроизводит их в отличие от *политической революции*, которая только перераспределяет собственность и власть [5, с. 115].

Очевидно, все это подразумевают сами классики, когда пишут: «Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов» [6, с. 54]. «До тех пор, пока угнетенный класс – в данном случае, следовательно, пролетариат – еще не созрел для освобождения самого себя, он будет в большинстве своем признавать существующий общественный порядок единственно возможным и политически будет идти в хвосте класса капиталистов, составлять его крайнее левое крыло» [5, с. 173]. Или, как энергично выразится К. Маркс: «рабочий класс революционен, либо он ничто» [21, с. 64]. Иначе говоря, классы, не осознав свои экономические интересы и не борясь за их воплощение, существуют только как абстракции, только *в возможности*, как *классы-в-себе*. Но это только начало их исторической эволюции: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе ... эта масса сплывается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами» [22, с. 183].

Все эти соображения проблематизируют концепцию Ф. Энгельса 1884 г. Если не проведена грань между классами и сословиями, а также между *классом-в-себе* и *классом-для-себя*, – а возникновение этой грани есть результат долгого исторического процесса, – то становится непонятным, что считать *классовой борьбой*, а что только сословным (внутриклассовым или межсословным) конфликтом, остающимся в пределах данного способа производства и не перерастающим в *классовый конфликт* (в социально-политическую революцию, способ производства изменяющую).

Тезис Ф. Энгельса, состоящий в том, что государство «возникло из потребности держать в узде противоположность классов» предполагает, что уже в древности существовали классы-для-себя и классовая борьба в ее зрелых формах. Это модернизация истории. Экономическая

выгода, на которую он упирает, видя в ней фактор, определяющий возникновение частной собственности и отношений господства, осознавалась массами и господствующими слоями не столь ясно, как в более позднее время. Было бы точнее сказать, что сословно-корпоративная структура общества обуславливала своеобразную *амбивалентность* государственных структур: они могли быть использованы господствующим классом не только как инструмент господства и подавления социальных низов, но и противоположным образом. Ф. Энгельс сам указывает на помощь, оказанную государством Солона рядовым общинникам [5, с. 114]. И это несмотря на то, что несколько страниц ранее он назвал юное государство учреждением, «которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним» [5, с. 108]. Подобное противоречие связано как раз с тем, что классик предпочел обозначить доминирующую тенденцию эпохи в ущерб «нюансам». Однако в древности, в архаичном, «сословно-классовом обществе» (Илюшечкин В. П.), эти «нюансы» преобладали.

Особо укажем, что это обстоятельство нисколько не ставит под сомнение ленинское определение государства как «аппарата насилия» [23, с. 69]. Сохранить привилегии, полученные в результате реформ Солона, беднейшим афинянам удалось благодаря тирании Писистрата, боровшейся против родовой аристократии до тех пор, пока последняя не была окончательно сломлена реформами Клисфена, опиравшегося на афинский вооруженный демос [24, с. 248–249]. И ни одно «социальное государство», даже во время своего расцвета в середине XX в., не распустило ни армию, ни полицию, ни чиновников.

Итак, анализ концепции Ф. Энгельса привел нас к затруднению: не модернизируя исторический процесс, нельзя утверждать, что уже в древности государство вырастает непосредственно из классовой борьбы в ее «чистом виде», из противоборства классов как политико-экономических общностей, как политических субъектов, как классов-для-себя. Сами классы как классы угнетенных, так и классы эксплуататоров еще только возникают, их представители свои интересы еще не осознают, а если и осознают, то в превратной форме. Господствует общинная и всякая иная корпоративная, племенная, сословная, цеховая и т. д. солидарность, заставляющая часто представителей разных классов действовать сообща (скажем, объединяясь ради защиты прав своего сеньора или привилегий своего полиса). Очевидно, что недостаточно объяснять возникновение государства одним только классовым соперничеством точно так же, как и возникновение частной собственности – одной только экономической выгодой. Требуется *что-то еще*, и С. де Бовуар в этом требовании [8, с. 46–47] оказывается права.

В поиске выхода из данного затруднения обратимся к К. Марксу. У него имеется работа, посвященная той же теме, что и рассмотренное уже произведение Ф. Энгельса. Речь идет о параграфе «Экономических рукописей 1957–1861 гг.», озаглавленном «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

Первое, что бросается в глаза при его прочтении: рассматривая генезис частной собственности и государства, К. Маркс ни разу не использует понятия *класс*! Основные категории, которыми он описывает общественные процессы древности, это *труд, община, род, природа/земля, собственность, производство* и т. д. И ни слова о классах и классовой борьбе! Для К. Маркса, стало быть, дело вовсе не в них, не они в его теории являются факторами, рождающими частную собственность и государство.

Классик выделяет следующие древние «формы собственности»: «азиатская», «античная», «германская». Это многообразие есть следствие не столько поступательного общественного развития самого по себе (как трактовала докапиталистическую эпоху сталинская теория пяти формаций), сколько *природной разности стартовых общественных ситуаций*.

Каждая из этих «форм собственности» представляет собой оригинальный путь формирования частной собственности и государства. Для нашего исследования мы отвлечемся от их особенностей и укажем на их общий признак. По К. Марксу он состоит в том, что «отношение к земле как к собственности трудящегося индивида ... сразу же опосредовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида как члена какой-либо общины, его естественно сложившимся существованием как члена племени и т. д.» [7, с. 478–479]. Эта «опосредствованная принадлежностью к общине собственность как *общая собственность*» существует в разных исторических формах, и К. Маркс описывает каждую из них [7, с. 479], однако, главным является то, что принадлежность к *целому* здесь служит основанием частного, а не наоборот. Поэтому богатство обособленных, частных, индивидов (в виде накопленных стоимостей), в данных условиях не выступает «как цель производства» (за исключением «немногих торговых народов»). Целью производства здесь является человек, «как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении» [7, с. 481]. Таково «древнее воззрение», отражающее наличие объединяющего начала, которое концентрирует в себе общий интерес коллектива, подконтрольного ему и в силу всего этого присваивающего себе часть прибавочного продукта. Это объясняет повсеместно распространенное в докапиталистической бесклассовой и сословно-классовой древности *частичное обратное перераспределение* последнего (потлач, реформы Солона, благотворительные практики мусульман во время ураза-байрам, распределение «хлеба и зрелищ» в древнем Риме и т. д.) – отдаленный прообраз возникшей в XX в. регулярной социально-ориентированной перераспределительной системы («социального государства» западного и советского типа). В последней, как раз, и воплотилась наиболее последовательным образом вышеупомянутая общественная амбивалентность государства. Но это уже результат острой классовой борьбы XIX в. и первой половины XX в., а не рудименты родового общества.

Таким образом, К. Маркс акцентирует экономические и военные причины возникновения государства как организатора коллективных работ, как представителя общих интересов. Иначе и быть не могло в эпоху, когда господствовало производство продуктов, удовлетворяющих потребности тех, кто их производит, т. е. потребительских стоимостей (см. [19, с. 49]). Это не отрицает существования в докапиталистическую эпоху классов и классовых противоречий, но говорит о том, что последние не выражали себя прямо, а были прикрыты толщей корпоративной, сословной структуры. Это обстоятельство существенно тормозило созревание классового самосознания, без которого невозможна классовая борьба. Протестное сознание и протестная практика тех столетий – от восстания античных рабов или должников до восстания тайпинов – не содержали в себе никакой социально-экономической альтернативы существующим порядкам. Ф. Энгельс связывает реформу Солона с «политической революцией», коль скоро она «вторгалась» в отношения собственности [5, с. 115]. Однако она

не выходила за рамки распределительных практик своей эпохи и за ней не следовали никакие изменения в самом господствующем способе производства. Сам переход от античного рабовладения к колонату во II и III вв. – это трансформация правовых отношений, прежде всего, в ходе которых экономический базис сословно-классового общества оставался прежним [18, с. 131–133].

На ранних стадиях классового общества потребности воспроизводства человеческой общности обуславливают необходимость существования некоего «объединяющего единого начала», концентрирующего в себе общую волю внутриплеменных единиц (семей, мелких общин) и выступающего в качестве организатора и руководителя их коллективного производственного процесса. Преобладающий ручной труд имеет принудительный характер. Эффективным он может быть только в общине, функционирующей лишь постольку, поскольку имеется внешнее объединяющее начало. В роли такого начала выступает вождь племени, представитель «важнейшей в племени семьи» (реже – отцы нескольких главенствующих семей). Будучи верховным распорядителем имущества своего племени, он становится, следовательно, «высшим собственником или верховным собственником, в силу чего действительные общины выступают лишь как наследственные владельцы» [7, с. 468]. Для последних собственность опосредствуется волей действительного собственника, предоставляющего им право владения землей на основании общей для них обоим принадлежности к общине.

Подчеркнем повторением: потребность в «объединяющем едином начале», равно как и оно само, являются результатами общественно необходимого труда, имеющего, несмотря на свою общественную значимость, принудительный характер и потому не способного самоорганизоваться. Он требует *внешней* организации и *внешнего* управления. Разделение материального и духовного труда (отмеченное Ф. Энгельсом) здесь дополняется разделением труда на труд управленческий и производительный. Так труд порождает частную собственность, предполагает ее, создавая для нее сам ее предмет (стоимость) и являясь *общественно необходимым* условием для ее существования. Труд и частная собственность выступают в диалектическом единстве как *самоотчуждение* работника и *отчуждение* создаваемого им продукта, как целостное отчуждение, как тотальный распад связей между общественными индивидами и каждого из них с самим собой.

Пример Ф. Энгельса с Робинзоном и Пятницей следует дополнить. Экономическая выгода Робинзона не только в том, что, принуждая Пятницу к труду, он присваивает прибавочный продукт, необходимый ему для поддержания личной жизнедеятельности. Кроме того, выгода для него состоит и в избегании тех форм деятельности, которые сами по себе не являются потребностью Робинзона. Невозможно представить, что он стал бы отказываться в пользу Пятницы (тем более что тот в его глазах был существом второго сорта) от деятельности, которой бы наслаждался сам.

Итак, возникновение частной («обособленной» [5, с. 160]) собственности как отчуждаемой независимо от общества и возникновение ассоциированного с ней государства, являются следствиями принудительного характера общинного труда (самоотчуждения труда) и его разделения. Частная собственность выражает возникшее в результате роста самостоятельности общинников неравенство в распределении продуктов труда и закрепляет обще-

ственное разделение производительной деятельности. Противоположная концепция, изображающая дело так, будто причиной отчужденного принудительного труда, труда-средства, является частная собственность, чревата идеализациями первобытного коммунизма в духе *руссоистской утопии*. Еще абсурднее это выглядит, когда утверждают, что причиной отчужденного труда является капитализм (см., например, [25]).

«Рабство погубило Афины», – писал Энгельс [5, с. 119]. Но мы бы уточнили: погубило их то обстоятельство, что из социального организма, основанного на *самоотчуждении обитателей в труде*, афинский полис превратился в общественный институт, основанный на их *отчуждении* друг от друга.

Трактовка «форм, предшествующих капиталистическому производству» в рукописях 1857–1861 гг., продолжает концепцию, изложенную К. Марксом в рукописях 1844 г.

Во-первых, в них К. Маркс многократно подчеркивает тождество частной собственности и отчуждения, выражаемого в труде. Например: «...под влиянием частной собственности, *то есть* [курсив наш. – А. К.] отчуждения человека...» [9, с. 116]. Или: «частная собственность, как материальное, резюмированное выражение отчужденного труда охватывает оба эти отношения: отношение рабочего к труду, к продукту своего труда и к не-рабочему и отношение не-рабочего к рабочему и к продукту его труда» [9, с. 99]. Словом, если «труд есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения, проявление жизни как ее отчуждение, то и разделение труда есть не что иное, как отчужденное полагание человеческой деятельности в качестве реальной родовой деятельности, или в качестве деятельности человека как родового существа» [9, с. 140].

Во-вторых, классик недвусмысленно указывает: «Хотя частная собственность и выступает как основа и причина самоотчужденного труда, в действительности она, наоборот, оказывается его следствием... Позднее это отношение превращается в отношение взаимодействия. Только на последней, кульминационной стадии развития частной собственности вновь обнаруживается ее тайна: частная собственность оказывается, с одной стороны, продуктом самоотчужденного труда, а с другой стороны, средством его самоотчуждения, реализацией этого самоотчуждения» [9, с. 97].

Когда речь в социальном учении К. Маркса идет о разделении труда, отчужденном труде и частной собственности, то говорится об одном и том же, только под разными ракурсами и с использованием категорий из разных дисциплин: социологии, философии и политэкономии. «Отчуждение» есть категория философская, «разделение труда» и частная собственность – категории социологические или политэкономические (если политэкономия толковать как социологию экономики). Но описывается этими разными категориями один и тот же феномен: *внешнее опосредование социальных отношений/взаимодействий; косвенное общественное отношение* [12, с. 426], в котором исторически первичными являются *принудительный (отчужденный) труд* и *господствующие над человеком природные условия*.

Проанализировав отношение труда и частной собственности в Рукописях 1844 г., Маркс делает вывод, что противоречие между ними «есть противоречие отчужденного труда с самим собой» [9, с. 97] – различие в тождестве, существенное противоречие. Следовательно, противоречие между трудом и частной собственностью, напротив, есть «мнимое

[scheinbare] противоречие»¹ [26, с. 336]. Это многое объясняет в идейной эволюции промышленного пролетариата, которую он пережил в условиях «общества потребления» западного и советского типа.

В некоторых обществах, основанных на «азиатской» форме собственности, объективные потребности производства привели к возникновению элементов государства прежде, чем возникла индивидуальная частная собственность (обособленная от общинной). Они еще не возвышаются над ассоциацией производителей, а включены в нее в качестве органического элемента, поскольку подчинены общему интересу. Там же, где потребность в верховном организующем начале (государстве) была в силу производственной необходимости исключительно велика, это приводило к консервации данной формы собственности и способа хозяйствования, точнее, внешних их форм. Хотя община оставалась коллективным частным собственником земли, государство, используя свой аппарат насилия, становилось верховным организатором общественной жизни, противостоя родовую знати и защищая интересы общинного коллектива. Так произошло в странах Древнего Востока и раннеклассовых обществах Европы в эпоху бронзы. Это подтверждается этнографическими и историческими исследованиями советских ученых [29, с. 156; 30, с. 67].

Заключение. У К. Маркса и Ф. Энгельса – разные теории возникновения государства. Они отличаются друг от друга трактовкой роли труда в этом процессе. У Ф. Энгельса труд играет страдательную роль. У К. Маркса роль труда активная: труд сам создает свою противоположность – частную собственность, а вместе с ней и государство, которое возникает и существует в силу ограниченности труда. Государство в учении К. Маркса фигурирует как социальная сила, способная на самостоятельное, независимое от граждан (к какому бы классу они не принадлежали) развитие, но не как простая функция доминирования класса, отличного от самой государственной машины. В работе 1851–1852 гг. «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта» К. Маркс воплотит этот подход в концепции «бонапартизма». Интересно, что и сам Ф. Энгельс в одном из писем рассуждал в том же духе: «Для меня становится все более ясным, что буржуазия не способна властвовать сама непосредственно, и поэтому там, где нет олигархии, которая могла бы взять на себя за хорошее вознаграждение (как она это делает здесь в Англии) управление государством и обществом в интересах буржуазии, – там бонапартистская полудиктатура является нормальной формой. Она отстаивает существенные материальные интересы буржуазии даже против воли буржуазии, но в то же время не допускает ее к самой власти. С другой стороны, сама эта диктатура, в свою очередь, вынуждена против своей воли объявлять своими эти материальные интересы буржуазии» [31, с. 174].

¹ «Wir aber sehn ein, das dieser scheinbare Widerspruch der Widerspruch der entfremdeten Arbeit mit sich selbst ist, und das die Nationalökonomie nur die Gesetze der entfremdeten Arbeit ausgesprochen hat» [27, S. 373]. «Но мы видим, что это мнимое противоречие есть противоречие отчужденного труда с самим собой, и что политическая экономия сформулировала лишь законы отчужденного труда» [26, с. 336; 28, с. 570]. Заметим, что в издании 1974 г. «scheinbare» переведено как «очевидное» [9, с. 97]. Этот перевод представляется нам ошибочным, ибо противоречит учению классика о фундаментальном противоречии между отчужденным трудом [entfremdeten Arbeit] и свободной деятельностью, самодеятельностью [die Selbstbetätigung], на фоне которого противоречие между трудом и частной собственностью действительно является мнимым, кажущимся, «scheinbare» (см.: [12, с. 492–530]). В издании 1956 г. содержится верный перевод.

Поздние рассуждения К. Маркса в конспекте работы Л. Моргана «Древнее общество» [32] не дают оснований говорить, что он пересмотрел свою более раннюю концепцию, хотя именно этот конспект был использован Ф. Энгельсом для написания своего «Происхождения...».

Мы не хотим сказать, что имеется какой-то «энгельсизм» как отдельное от марксизма учение. Речь о том, что классический марксизм – это живой организм, имеющий внутри себя собственные противоречия, порожденные обстоятельствами его исторического существования.

В неожиданном ракурсе теперь предстают концепции государства таких западных исследователей, как Т. Скочпол [33], М. Манна [34], Р. Лахмана [35] и Б. Джессопа [36]. Они формулировали свои идеи в полемике с якобы противоположной концепцией классического марксизма. Но... дело оказывается сложнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ray L., Wilkinson Ia. Interview with David McLellan July 2018 // J. of Classical Sociology. 2019. Vol. 19, iss. 1. pp. 87–104. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468795X1881058>.
2. Рубель М. Маркс против марксизма / пер. с фр. Ю. В. Гусевой. М.: Праксис, 2006.
3. Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Философская антропология Карла Маркса. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007.
4. Кондрашов П. Н. Девять мифов о философии Карла Маркса. От демифологизации к реконструкции изначальных идей. М.: ЛЕНАНД, 2023.
5. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. / пер. с нем. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. С. 23–178.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. / пер. с нем. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 годов. (Первоначальный вариант «Капитала»): в 2 ч. / пер. с нем. Ч. I. М.: Политиздат, 1980.
8. Де Бовуар С. Второй пол / пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой, А. Сабашниковой. М.: Азбука-Аттика, 2017.
9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.
10. Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Сочинения: в 2 т. Т. 1. / пер. с нем. Б. В. Мееровского, С. А. Ромашко. М.: Наука, 1995. С. 90–146.
11. Фейербах Л. Лекции о сущности религии // Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955. С. 490–810.
12. Коряковцев А. А., Вискунов С. В. Марксизм и полифония разумов. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.
13. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. / пер. с нем. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 5–338.
14. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с лат. и англ. Н. Федоров, А. Гутерман // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3–545.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.
16. Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. М.: Госполитиздат, 1962.

17. Ленин В. И. Великий почин // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 1–29.
18. Илющечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М.: Наука, 1986.
19. Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
20. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. М.: Искусство, 1990.
21. Маркс – Энгельсу, 18 февраля 1865 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 31. М.: Политиздат, 1963. С. 62–65.
22. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 65–185.
23. Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 64–84.
24. Архаическая Греция // История Европы: в 8 т. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988. С. 217–258.
25. Нарский И. С. Отчуждение и труд: по страницам произведений К. Маркса. М.: Мысль, 1983.
26. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010.
27. Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte // Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). Herausgegeben vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Bd. 1–43. Bd. 2. Berlin: Dietz-Verlag, 1982. S. 363–375.
28. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 517–642.
29. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М.: Наука, 1985.
30. Кабо В. Р. Становление классового общества у народов Океании // Народы Азии и Африки. 1966. № 2. С. 57–68.
31. Энгельс – Марксу в Маргет (Манчестер) 13 апреля 1866 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 31. М.: Политиздат, 1963. С. 174–175.
32. Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Архив Маркса и Энгельса. Т. IX / под ред. Митина М. Б. Л.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941. С. 1–194.
33. Скорчол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2017.
34. Манн М. Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты / пер. с англ. А. Герасимова, М. Масловского // Неприкосновенный запас. 2018. № 2. С. 3–33.
35. Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / пер. с англ. А. Лазарева. М.: Территория будущего. 2010.
36. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. М.: ДЕЛО, РАНХиГС, 2019.

Информация об авторе.

Коряковцев Андрей Александрович – кандидат философских наук (1994), доцент кафедры философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета, пр. Космонавтов, д. 26, г. Екатеринбург, 620091, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, история марксизма и марксистских школ, история социализма, эволюция капитализма.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.12.2023; принята после рецензирования 08.01.2024; опубликована онлайн 21.02.2024.

REFERENCES

1. Ray, L. and Wilkinson, Ia. (2019), "Interview with David McLellan July 2018", *J. of Classical Sociology*, vol. 19, iss. 1, pp. pp. 87–104. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468795X1881058>.
2. Rubel, M. (2006), *Marx: critique du marxisme*, Transl. by Guseva, Yu.V. Praxis, Moscow, RUS.
3. Lyubutin, K.N. and Kondrashov, P.N. (2007), *Filosofskaya antropologiya Karla Marksa* [Philosophical anthropology of Karl Marx], Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, RUS.
4. Kondrashov, P.N. (2023), *Devyat' mifov o filosofii Karla Marksa. Ot demifologizatsii k rekonstruktsii iznachal'nykh idei* [Nine myths about the philosophy of Karl Marx. From demythologization to reconstruction of original ideas], LENAND, Moscow, RUS.
5. Engels, F. (1961), "Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., Politizdat, Moscow, USSR, pp. 23–178.
6. Marx, K. and Engels, F. (1955), "The German Ideology", *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 7–544.
7. Marx, K. (1980), *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf) 1857–1858: Anhang, 1850–1859*, part I, Politizdat, Moscow, USSR.
8. De Beauvoir, S. (2017), *Le Deuxième Sexe*, Transl. by Malakhova, I., Orlova, E. and Sabashnikova, A., Azbuka-Attika, Moscow, RUS.
9. Marx, K. (1974), "Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 42, Transl., Politizdat, Moscow, USSR, pp. 41–174.
10. Feuerbach, L. (1995), "Grundsätze der Philosophie der Zukunft", *Sochineniya* [Works], in 2 vol., vol. 1, Transl. by Meerovskii, B.V. and Romashko, S.A., Nauka, Moscow, RUS, pp. 90–146.
11. Feuerbach, L. (1995), "Vorlesungen über das Wesen der Religion", *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works], in 2 vol., vol. 2, Gospolitizdat, Moscow, RUS, pp. 490–810.
12. Koryakovtsev, A.A. and Viskunov, S.V. (2017), *Marksizm i polifoniya razumov* [Marxism and polyphony of minds], Kabinetnyi uchenyi, M., Ekaterinburg, RUS.
13. Engels, F. (1961), "Anti-Dühring", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., vol. 20, Transl., Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 5–338.
14. Hobbes, T. (1991), "Leviathan; Or The Matter, Form and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil", *Sochineniya* [Works], in 2 vol., vol. 2, Transl. by Fedorov, N. and Guterman, A., Mysl', Moscow, RUS, pp. 3–545.
15. Marx, K. and Engels, F. (1955), "Manifests der Kommunistischen Partei", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 4, Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 419–459.
16. Marx, K. (1962), "Das Kapital. B. III", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 25, part. 2, Gospolitizdat, Moscow, USSR.
17. Lenin, V.I. (1970), "The Great Initiative", *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], 5th ed., vol. 39, Politizdat, Moscow, USSR.
18. Ilyushechkin, V.P. (1986), *Soslovno-klassovoe obshchestvo v istorii Kitaya (opyt sistemno-strukturnogo analiza)* [Estate-class society in the history of China (experience of system-structural analysis)], Nauka, Moscow, USSR.
19. Marx, K. (1960), "Das Kapital. Bd. I", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 23, Gospolitizdat, Moscow, USSR.
20. Gurevich, A.Ya. (1990), *Srednevekovyi mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva* [The medieval world: the culture of the silent majority], Iskusstvo, Moscow, USSR.
21. "Marx to Engels, Feb. 10, 1865" (1963), Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 31, Politizdat, Moscow, USSR.
22. Marx, K. (1955), "Misère de la philosophie", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 4, Gospolitizdat, Moscow, USSR.

23. Lenin, V.I. (1970), "About the state. Lecture at Sverdlovsk University on July 11, 1919", *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], 5th ed., vol. 39, Politizdat, Moscow, USSR,
24. "Archaic Greece" (1988), *Istoriya Evropy in 8 vol., vol. 1, Drevnyaya Evropa* [History of Europe; in 8 vol., vol. 1. Ancient Europe], Nauka, Moscow, USSR, pp. 217–258.
25. Narskii, I.S. (1983), *Otchuzhdenie i trud: po stranitsam proizvedenii K. Marksa* [Alienation and labor: through the pages of the works of K. Marx.], Mysl', Moscow, USSR.
26. Marx, K. (2010), *Ehkonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 g. i drugie rannie filosofskie raboty. M.: Akademicheskii proekt* [Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works], Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.
27. Marx, K. (1982), "Ökonomisch-philosophische Manuskripte", Marx, K., Engels, F. *Gesamtausgabe (MEGA)*, Herausgegeben vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Bd. 2. Dietz-Verlag. Berlin, GER, S. 363–375.
28. Marx, K. (1956), "Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844", Marx, K. and Engels, F. *Iz rannikh proizvedenii* [From early works], Gospolitizdat, Moscow, USSR.
29. Bongard-Levin, G.M. and Il'in, G.F. (1985), *Indiya v drevnosti* [India in ancient times], Nauka, Moscow, USSR.
30. Kabo, V.R. (1966), "Formation of class society among the peoples of Oceania", *Narody Azii i Afriki*, no. 2, pp. 57–68.
31. "Engels to Marx in Margate (Manchester) April 13, 1866" (1963), Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 31, Politizdat, Moscow, USSR.
32. Marx, K. (1941), "Conspectus of Lewis Morgan's "Ancient Society", *Arhiv Marksa i Engel'sa* [Marx and Engels Archive], vol. IX, OGIZ-Gospolitizdat, Leningrad, USSR. C. 1–194.
33. Skocpol, T. (2017), *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*, Transl. by Moiseev, S., Izd-vo in-ta Gaidara, Moscow, RUS.
34. Mann, M. (2018), "Mann M. Autonomous power of the state: origins, mechanisms and results", Transl. by Gerasimov, A. and Maslovskii, M., *Neprisnosovennyi zapas*, no. 2, pp. 3–33.
35. Lachmann, R. (2010), *Capitalists in spite of themselves. elite conflict and economic transitions in early modern Europe*, Transl. by Lazarev, A., Territoriya budushchego, Moscow, RUS.
36. Jessop, B. (2019), *The State Past, Present, Future*, Transl. by Moiseev, S., in Karasev, D. (ed.), DELO, RANHiGS, RUS.

Information about the author.

Andrey A. Koryakovtsev – Can. Sci. (Philosophy, 1994), Associate Professor at the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University, 26 Kosmonavtov ave., Ekaterinburg 620091, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, the history of Marxism and Marxist schools, the history of socialism, the evolution of capitalism.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.12.2023; adopted after review 08.01.2024; published online 21.02.2024.